

Бакирова Лена Рифхатовна

канд. филол. наук, доцент, старший преподаватель
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России»
г. Уфа, Республика Башкортостан

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ МАЛОЙ ПРОЗЫ ИЗ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: «ПОХОРОНЫ «ОБЩЕЧЕЛОВЕКА» И «ЕДИНИЧНЫЙ СЛУЧАЙ»

Аннотация: на примере дилогии «Похороны «Общечеловека» и «Единичный случай» автор статьи рассматривает особенности поэтики малой прозы из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. Для поэтики текстов малой прозы из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского характерны: сопряжение реального факта и художественного вымысла, злободневность и реалистичность сюжета, эмблематичность, переход от прозаической к стихотворной форме повествования, наличие сквозного мотива, оригинально-авторская жанровая характеристика произведений.

Ключевые слова: поэтика, «Дневник писателя», малая проза Достоевского, эмблематичность, публицистический контекст, авторский жанр.

Вся вторая глава мартовского номера «Дневника писателя» за 1877 год посвящена еврейской теме. В качестве логического завершения, а точнее, разрешением так называемого «еврейского вопроса», под которым Достоевский понимает «...положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев...» [1, с. 74], выступают главки «Похороны «Общечеловека» и «Единичный случай». Они представляют собой единственный в своем роде диалогический пример сопряжения реального факта – письма корреспондентки и его художественного осмысления автором.

Текст самого Достоевского – подлинно христианский, проникнутый гуманизмом «в высшем смысле». В нем получила свое завершение важная мысль писателя об особом типе человека, воплотившем в себе родовой идеал.

Само понятие «общечеловека» пережило в мировоззрении Достоевского значительную эволюцию. В 60-е годы девятнадцатого века оно использовалось им в негативном смысле, став синонимом «стертости», безликости, отсутствия индивидуального и национального своеобразия личности. Позже, в «Дневнике писателя», оно обрело положительную семантику, «общечеловечность» начала восприниматься автором как «всечеловечность» в самом идеальном значении слова.

В «Единичном случае» Достоевский назвал доктора «общечеловеком», объяснив это следующим образом: «Кстати, почему я назвал старичка доктора «общечеловеком»? Это был не общечеловек, а скорее общий человек. Этот город М. – это большой губернский город в западном крае, и в этом городе множество евреев есть немцы, русские конечно, поляки, литовцы, – и все-то, все эти народности признали праведного старичка каждая за своего. Сам же он был протестант, и именно немец...» [1, с. 90].

Чрезвычайно интересна творческая история этой своеобразной дилогии. Получив письмо, Достоевский поместил его в рамку собственного комментария, сохранив подлинный текст, ему адресованный. Имеется в виду знаменитое письмо молодой еврейки Софьи Лурье из Минска, полученное писателем в марте 1877 года: «Однако хочу привести теперь одно письмо <...> весьма знакомой мне г-жи Л., молодой девицы, еврейки, с которой я познакомился в Петербурге и которая пишет мне теперь из М.» [1, с. 89]. Достоевского не просто заинтересовало письмо и изложенный в нем факт похорон доктора Гинденбурга, в нем он увидел разрешение «еврейского вопроса», которому посвятил целую главу «Дневника».

Комментаторы полного собрания сочинений писателя отмечают, что в ответном письме к ней от 11 марта 1877 года Достоевский писал: «Вашим доктором Гинденбургом и Вашим письмом (не называя имени) я непременно воспользуюсь для Дневника. Тут есть что сказать» [1, с. 392].

Из письма г-жи Л. мы узнаем, что доктор Гинденбург уже 58 лет практикует в М. и за это время успел сделать очень много добра: «Он был доктор и акушер;

его имя перейдет здесь в потомство, о нем уже сложились легенды, весь простой народ звал его отцом, любил, обожал и только с его смертью понял, что он потерял в этом человеке. Когда он еще стоял в гробу (в церкви), то не было, кажется, ни одного человека, который бы не пошел поплакать над ним и целовать его ноги, в особенности еврейки, которым он так много помогал, плакали и молились, чтоб он попал прямо в рай» [1, с. 89].

Далее мы узнаем, что доктор безвозмездно лечил бедных людей и более того, помогал им материально: «Сегодня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бедная женщина, и говорит, что при рождении последнего ее ребенка он, видя, что ничего дома нет, дал 30 к., а видя, что она поправляется, прислал пару куропаток. Также будучи позван к одной страшно бедной родильнице (такие к нему и обращались), он, видя, что не во что принять ребенка, снял с себя верхнюю рубаху и платок свой (голова у него была повязана платком), разорвал и отдал. <...> Так он прожил всю свою жизнь. Бывали примеры, что он оставлял 30 и 40 р. у бедных; оставлял и у бедных баб в деревнях» [1, с. 89–90]. Посвятив всю свою жизнь людям, помогая им, «он умер в такой бедности, что не на что было хоронить его» [1, с. 89].

Особенное значение в этом письме приобретает описание похорон доктора. Над своей могилой он собрал весь город, люди разных наций и религий соединились, чтобы проводить Гинденбурга в последний путь: «Все бедняки заперли свои лавки и бежали за гробом. У евреев есть мальчики, которые при похоронах распеваются псалмы, но запрещается провожать иноверца этими псалмами. Тут перед гробом, во время процессии, ходили мальчики и громко распевали эти псалмы. Во всех синагогах молились за его душу, также колокола всех церквей звонили все время процессии» [1, с. 90]. Отметим, что сам доктор был протестантом и «как протестанта, его сначала отвезли в кирку, а уже затем на кладбище» [1, с. 89].

Уникальный случай похорон человека, которого признали своим и пастор и еврейский раввин, которому одинаково воздали почести представители разных

конфессий, представился Достоевскому благодатным случаем показать возможность духовного единения.

Картина с «нравственным центром» – так Достоевский назвал собственный эмблематический комментарий к письму, полученного из еврейского мещанка. Он представил его как разрешение вековечного национального вопроса, по поводу которого неоднократно и противоречиво высказывался на страницах «Дневника писателя»: «Единичный случай, скажут. Что ж, господа, я опять виноват: опять вижу в единичном случае чуть не начало разрешения всего вопроса... ну хоть того же самого «еврейского вопроса»...» [1, с. 90].

Однако показательно смещение акцентов, произведенное им. Если еврейская корреспондентка естественным образом подчеркнуто передала именно еврейские чувства к старичку-протестанту, выделив отношение евреев к нему, отметив, что хоронили его почти по еврейскому обряду, распевая псалмы и поминая в синагогах, то писатель целенаправленно развил мысль о том, как немецкий доктор «соединил над гробом своим весь город», как его ноги целовали вместе русские бабы и бедные еврейки, а пастор и раввин соединились в общей любви.

В его рассуждении важным становится мотив духовного единения представителей разных национальностей и конфессий, усиленный благодаря многократным семантическим повторам («вместе», «всех», «общий») и явно ритмизованному слогу.

С языка прозы художник переходит здесь почти к стихотворной форме речи. Она выглядит такой за счет синтаксического параллелизма, лексических повторов, переходящих в анафоры и эпифоры, упорядоченных колонов, достаточно симметрично отделенных друг от друга запятыми. Если изменить графический вид текста, то он легко раскладывается на стихи:

Эти русские бабы и бедные еврейки
целовали его ноги в гробу вместе,
теснились около него вместе,
плакали вместе.

В результате концовка всей главки, посвященной обсуждению «еврейского вопроса», приобретает особый характер, способствуя закреплению заветной идеи Достоевского о возможности всеобщего христианского братства.

В данном фрагменте она получает эмблематическое выражение. Художник слова реализует его живописные возможности, рисуя яркую и колоритную «картинку с нравственным центром». По сути, он представляет ее словесный аналог: «Если б я был живописец, я именно бы написал этот «жанр», эту ночь у еврейки-родильницы. Я ужасно люблю реализм в искусстве, но у иных современных реалистов наших нет нравственного центра в их картинах... <...> Тут, в предлагаемом мною сюжете для «жанра», мне кажется, был бы этот центр. Да и для художника роскошь сюжета» [1, с. 91].

Достоевский скрупулезно описывает все атрибуты, освещение, фигуры в живописной картине, крупным планом выделяя то, что сам назвал «нравственным центром» в ней: «христианин принимает еврейчика в свои руки и обвивает его рубашкой с плеч своих...». На новорожденного смотрят доктор и родильница. «Всё это видит сверху Христос...», – заканчивает повествование автор, обозначая необходимую для эмблемы особую визуальную перспективу.

Таким образом, весь эпизод похорон «общечеловека» оформляется как полноценная эмблема, имеющая свое тематическое название «Единичный случай», наглядно выписанный живописный сюжет и подпись-толкование, открывающее вечный смысл, «Все это видит сверху Христос» [1, с. 91]. Другим вариантом подписи могут быть слова автора: «Общечеловек» – победитель мира».

Итак, вымышленный рассказ «Единичный случай» является полноценным художественным произведением. Он имеет ряд особенностей, присущих малой прозе «Дневника» Достоевского в целом. Во-первых, как уже было отмечено, интерпретация данного литературного текста невозможна без анализа публицистического контекста издания, поскольку повествование в главе «Единичный случай» непосредственно связано с предыдущими главами, посвященными «еврейскому вопросу». Эта особенность характерна для всех текстов малой прозы «Дневника».

Во-вторых, сюжетообразующим в рассказе является реальный факт – письмо корреспондентки писателя, что тоже показательно для произведений малой прозы.

В-третьих, рассказ в полной мере злободневен, так как «еврейский вопрос» и еврейская тема, поднятые в нем, имели самое острое значение в обществе того времени.

В-четвертых, в ходе последовательного анализа произведений малой прозы Достоевского в них обнаруживаются идеино-тематические переклички. Так, сквозным, проходящим и через «Единичный случай», является мотив объединения или соединения людей. Он обнаруживается и в тексте «Столетней». Подобно тому, как доктор своей всеобъемлющей любовью и заботой объединил людей разной этно-конфессиональной принадлежности, так и столетняя соединила своих и чужих.

Мотив единения людей, принадлежащих к разным верам, но сошедшихся в единой положительной оценке подвига веры характерен и для другого произведения из «Дневника писателя» – «Фома Данилов, замученный русский герой». В вопросе об истинности веры писатель объединил русского и мусульманина. В итоге можно говорить о преемственности важнейших мотивов в малой прозе Достоевского.

И, наконец, «Единичный случай» не традиционен с жанровой точки зрения. Достоевский дал ему оригинально-авторское определение – «картина». Аналогичную жанровую характеристику имеют еще несколько текстов малой прозы: «Маленькие картинки», «Фельдъегерь», «Столетняя». «Картина» как авторский жанр, чрезвычайно характерный для «Дневника писателя», представляет собой наглядное словесное описание, созданное для того, чтобы читающий смог увидеть или представить себе изображаемое в конкретных образах и деталях. На основании того, что создание такой «картинки» мотивировано письмом корреспондентки, ее можно атрибутировать как отклик-ответ художника.

Таким образом, «Единичный случай» – это рассказ-«отклик», с риторической точки зрения весьма показательный для малой прозы «Дневника писателя».

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Т. 25. – Л.: Наука, 1983.